

Особенности гностического мировоззрения

Брат Атон

Наша третья лекция посвящена гностической традиции, гностическому мифу и гностическому влиянию на западную культуру. Хотим мы того или нет, но обращаясь к идее эзотерического, оккультного, сокровенного мы не можем обойти гностический модус.

Чтобы понять индивидуальную особенность западного эзотеризма, мы должны начать именно с гностиков, а точнее – с того момента, когда христианская церковь разделяется на ортодоксальную и гностическую.

Дело в том, что значение инициатической традиции в дохристианскую и христианскую эпоху – принципиально различное значение. В дохристианской культуре инициация является естественной и органичной частью общей культуры. Более того, инициация находится в центре любой культуры, как Дельфы были центром греческой цивилизации, а Гелиополис – Египетской. Религиозное и инициатическое не противопоставлены, напротив, одно является частью другого. Нет разрыва, нет противостояния, нет противоречия между религиозным догматом и верой.

Противопоставление «вера» против «знания» с трудом применимо к дохристианской культуре. Опыт божества – это именно опыт, переживание, теофания может произойти где угодно – на поле боя, в постели куртизанки или в храме. Исследователь Египетской культуры Ян Усман пишет, что для древних египтян конец света понимался как время когда «наши боги перестанут жить в наших храмах». Это означает, что, приходя в храм, Египтянин непосредственно соприкасался с живой реальностью сакрального, во всей его очевидности.

Конечно же, наличие особых инициаций подразумевало возможность разных уровней понимания божества. Абстрактное восприятие божества, переживание бога как единого источника всего сущего было достоянием очень небольшой группы посвященных, для которых это знание было одновременно переживанием.

Христианские учителя, исходя из благих намерений, пытались сделать общим то, что было инициатическим. Миф Озириса, Таммуза, и других умирающих и воскресающих богов, миф, который был в основе инициатического опыта, опыта мистерии, в христианской религии как бы стал доступен всем и каждому. Все бы хорошо, если бы не это «как бы».

Ужас христианства именно в его доступности. Кем бы ты ни был, достаточно верить в Христа, и ты получишь спасение. Конечно, христианская мораль куда более сурова, чем языческая, но существует ритуал покаяния. Кроме того, ни одна языческая религия не утверждала, что верующие «иначе» обречены на проклятие. Христианство здесь наследовало иудейской религии с её нетерпимостью и догматизмом.

И здесь мы сталкиваемся со странным парадоксом. С одной стороны, для любого читателя Евангелия очевидно, что «христианство» в понимании любой церкви и «слова Христа» как они есть принципиально различны. До сих пор в истории не было такого разрыва между декларируемым учением и реальностью. Если вы не согласны, попробуйте найти в наше время христианина, который без фиги в кармане подставит правую щеку ударившему по левой. Однако, с другой стороны, следует признать, что если бы в исходном посыле христианского мифа не было некоего изначального искажения такого разрыва между посланием и пониманием, послание просто не смогло бы возникнуть. Почему такого разрыва не произошло, скажем, в

митраизме или зороастризме? Так вот, это изначальное искажение – в проекции архетипического сюжета в историю.

Иными словами, тот опыт, который от начала веков понимался как глубинный, интимный опыт перерождения в результате инициатического нисхождения, либо (для простонародья) как циклический процесс смерти и возрождения природы, был перенесен на конкретного исторического персонажа, иудейского Рабби.

Как результат – возможность непосредственного переживания была существенно уменьшена, ритуал был сведен к некоей формальности, слово «таинство» более не несло в себе тайны, а сводилось к церемонии.

Древние боги были помещены под запрет, а инициатическое переживание в рамках ортодоксальной религии вызывало подозрение в «прелести». Произошел отрыв человека от его архетипа. Собственно, в представлении древних Египтян наступил тот самый конец света, которого они боялись больше всего.

Разумеется, с этим могли смириться не все. Поэтому начиная с первого века христианства, с момента оформления христианства как церковной доктрины, внутри самой церкви началось брожение. Дело в том, что есть люди, которые, в силу своей природы, устремлены к переживанию инициатического опыта. Даже при отсутствии инициации в культуре опыт инициации воспроизводится у них в Психэ, точно также как тот, кто призван быть шаманом, сперва слышал Зов духов или предков. Такие люди – у гностиков они назывались «пневматики» – посвящены уже в силу своей сути, в силу своей природы.

Отсюда появилась главная Ересь раннего христианства – гностицизм. Ересь, из которой вышла вся западная оккультная традиция. В то время, как официальное христианство требовало Веры, в воскресшего в распятого при Понтии Пилате Иисуса Христа, гностицизм утверждал, что только непосредственное знание, гнозис, духовный опыт, причастность к мистерии дает спасение.

«Ты смотришь в небеса? Иль ты забыл о том, Что Бог не в небесах, а здесь, в тебе самом?!», – пишет средневековый христианский мистик Ангелус Силезиус, не подозревая, что цитирует на тот момент утраченное Евангелие от Фомы: «Царствие божие внутри вас». «Христос мог бы тысячу раз родиться в Вифлееме – ты все равно погиб, если Он не родился в твоей душе», – пишет тот же Ангелус Силезиус. Но это – гностический взгляд. И здесь – принципиальный разрыв, который происходит в начале христианской эры между теми, кто верят в Христа «исторического» и Христа «внутреннего». До христианства не было ничего подобного, поскольку все мистерии посвящения переживались как внутренние мистерии.

Кстати, в самом слове «Ересь» изначально не было ничего плохого. «Ересь» в переводе с греческого – школа или учение. Только начиная с работы римского Епископа Ириния Лионского «Против Ересей», слово Ересь стало пониматься как некое отклонение от генеральной линии партии церкви.

Гностики были главными врагами нарождающейся церкви, потому что в силу своей особенности они одновременно смотрели назад, в эллинскую, античную мистику и вперед – в наше время, когда в большинстве цивилизованных стран (Россия, к сожалению, не в счет) победила доктрина либеральной веротерпимости и человек, наконец, оказался признан центром для самого себя.

Читая чудом сохранившиеся гностические первоисточники, мы поражаемся тому, насколько отдельные мысли, записанные в запрещенных Евангелиях, не просто обгоняют свое время, но, кажется, могут быть по достоинству осмыслены только сейчас, через двадцать веков после их написания, на нашем уровне развития культуры и духа.

Итак, подводя предварительный итог: если внутри дохристианской культуры религиозное и инициатическое составляло органичное единство, нисколько не противоречащее и не враждебное друг другу (такое положение сохранилось, к примеру, в современной Индии), то, начиная с христианства, произошел раскол на «большую» и «малую» традиции, на церковь и тайное братство, на веру и знание, на официальное и запретное знание. Фактически, христианская форма религии была первой в истории доктриной глобализма и унификации. Право индивида на религиозное самоопределение, на свой выбор, было насильственно отнято и на протяжении двадцати веков подавлялось. Только сейчас, на новом витке спирали, мы возвращаемся к отнятой свободе множества – возвращаемся под разными именами, будь то «постмодернизм» Дериды или «психологический политеизм» Хиллмана.

Но вернемся к гностицизму.

Согласно Иринею Лионскому, первому борцу с ересью, чья слава не дает покоя некоторым горячим головам и поныне, первым гностиком был некто Симон Маг из Самарии. Запомните это имя – мы к нему не раз вернемся в следующих лекциях.

Этот Симон первоначально упомянут в «Деяниях», где, согласно преданию, он был восхищен теми чудесами, которые творили апостолы, и попытался купить благословение Святого Духа за деньги. За это он был с позором изгнан из общины. В дальнейшем, в церковной традиции покупка церковных должностей называется «симония» и считается тяжким грехом.

С другой стороны, христианские апокрифы народного происхождения создают вокруг Симона настоящую сказку. Симон оказывается чародеем, который может заставлять мертвых вставать, имитировать собственную смерть и даже левитировать. Симону прислуживает сам Дьявол в образе чудовищного Пса, охраняющего его сон, и сам Император Нерон оказывается под его чарами. Конец страшным козням кладет только Апостол Пётр, благодаря молитве которого Симон Маг прерывает свой полет и разбивается насмерть о камни.

Однако в трудах Иринея Лионского мы видим совсем иную, третью картину. Согласно Иринею Симон был неким лжемессией, первым еретиком. В своих путешествиях он оказался в Тире, где из публичного дома взял проститутку по имени Елена. Симон проповедовал по всей Римской империи учение, согласно которому он представлял посланца Изначального и Несотворенного Отца, а сопровождающая его Елена была его супругой и дочерью. Волею жестокой судьбы и обмана Ангелов. Изначально она спустилась в низший мир для того, чтобы породить ангелов и другие силы, но впоследствии сама была захвачена ими в плен, и не смогла вернуться назад, и стала проходить один круг воплощений за другим, пока, наконец, не оказалась в теле проститутки в Тире, где её и нашел Симон.

(Аудиозапись «Ты упала в Мир»)

Симон специально воплотился для того, чтобы спасти её, а заодно всех «своих», то есть «принадлежащих духу», и вернуть их в лоно несотворенного отца. Ангелы, то есть правители этого мира, делают всё, чтобы помешать этой миссии.

Итак, мы имеем сложную доктрину, в центре которой находится некое надмирное благо, (несотворенный Отец), возвращение к которому и является желанным искуплением. Искупление это обретается через особое духовное состояние – гнозис, то есть познание. На нашем языке, гнозис и есть состояние перехода от реальности к Реальности, или открытие модуса воображения.

Этому раскрытию всячески препятствуют дурные ангелы, стражи, или архонты мира, которые одновременно являются создателями мира. На этой стадии концепция Иалдабаофа еще не рассматривается.

Здесь я предлагаю остановиться и вспомнить о том, что же нам может напоминать этот миф? Конечно же, Элевсинские мистерии. И там, и там мы видим некую женскую фигуру (душу),

которая оказывается в плену из-за своего любопытства или неосторожности. Забегая вперед, скажем, что эта же структура «падения-и-восстановления» встретится нам и в герметическом мифе, где главным героем будет уже не женское, а мужское божество – нус, перворазум, Габриций.

Но даже если сравнивать только миф Элевсина и миф Гностиков, различие очевидно. Если похищенная Персефона (что было частью свадебного ритуала древности) в итоге становится королевой подземного мира, то гностический миф значительно более жесток – падшая богиня проходит круги воплощения, пока, наконец, не оказывается опустившейся и отвергнутой всеми проституткой.

Заметим еще одну разницу: восстановление Персефоны заключается в том, что она становится «жительницей двух миров» – она повелевает и материальным миром, который символизирует подземный мир Аида, и миром духовным, в то время как для гностической Елены единственное спасение – это безусловное «прочь из мира».

Драматизация мифа (впоследствии мы столкнемся с еще большими драматизациями) связана со всё тем же разрывом мифологической реальности, о которой мы говорили. От органичной целостности дохристианской культуры мы переходим к христианской разорванности, и даже инициатические традиции христианства всё же несут на себе печать этой разорванности.

Разорванность, о которой мы говорим, была необходима для того, чтобы произошел радикальный выход за пределы всех ограничений. В симонийском гностическом мифе говорится об Ангелах, или Стражах, пленяющих Эпинойю. Психологически, «Стражи» – это аспекты суперэго или интроекты, которые, будучи восприняты сознательно, становятся частью нашей внутренней вселенной и не выпускают нас за её пределы.

Допустим, родители запрещали нам что то делать – например, бегать слишком быстро. Но вот, родителя нет рядом, а мы всё также не можем позволить себе пробежаться. Заметьте, если в первый раз это был внешний запрет, то во второй – это запрет со стороны воображения, запрет, который может даже не осознаваться как запрет. Здесь абсолютно неважно, какие псевдорациональные аргументы воспроизведет наше сознание – единственная психологическая правда состоит в том, что внешний запрет был успешно интроецирован в психическую структуру и стал еще одним «стражем» или, говоря на современном языке, – «надзирателем», не позволяющем душе выйти на свободу.

Как это ни покажется парадоксальным, но историческая заслуга церкви состоит в том, что, отвергнув и преследуя малую традицию, христианская цивилизация создала в подполье контркультуру, которая не имела до сих пор аналогов. Отвергнутый системой индивид был вынужден отвечать тем же, и именно это стало причиной роста радикально индивидуального сознания. Благодаря гностицизму метафизическое подполье обрело логос.

Дохристианская инициация ставила целью встроить индивида в коллективный миф. Но изгнание инициации из ортодоксальной церкви сделало важную вещь: инициация стала направлена на прямо противоположную цель – сотворение «Иного» индивида, индивида независимого от коллективного мифа. Индивида, способного освободиться от всех навязанных ему ограничений (стражей) для того, чтобы самостоятельно выстроить свою этику и свою культуру.

Потенциальная масса сопротивления ортодоксии накапливалась век за веком и, в конце концов, взорвала не только саму ортодоксию, но идею авторитаризма, деспотии и самодержавия. Высший индивид, гностик, пневматик, который был бы элитой культуры дохристианской, в христианской культуре не находил себе места. Первый взрыв произошел в эпоху Ренессанса, когда преследуемые ереси язычества в определенный момент исподволь захватили умонастроения преследователей. Язычество, магия, герметизм были возрождены и, несмотря на

неизбежный культурный откат в виде протестантизма и контрреформации, именно герметическая философия дала колоссальный толчок развитию науки и либеральной культуре.

В конечном счете, уже в 18-м веке устами Локка было провозглашено главное: мои отношения с Богом не касаются никого кроме меня и Бога! Это – категорический императив культурного человека современности. На первый взгляд, между этим утверждением и гностицизмом не так много общего. В конце концов, «отношения с богом» могут разворачиваться и по вполне ортодоксальной схеме в рамках жестко заданной догмы. И, тем не менее, подспудно уже в этой фразе в центр выносятся противопоставление религии коллективной и религии индивидуальной. А первыми представителями «Индивидуальной религии» были именно гностики. Другие инициации развили и продолжили гностический импульс.

Вот почему гностик является «самым опасным человеком на земле». Вы держите вирус свободы, вирус, который разрушит стены тюрем и церквей, поместив индивида в центр бытия. Современная либеральная идея утрачивает инициатическое измерение и тем ослабляется, потому очень важно утвердить корень, основу либеральной идеи в инициатическом опыте гностика. Гностика, утверждающего Я превыше «звезд и творца мира».

Июль 2013 г.